Фрэнсис Скотт

ФИЦДЖЕРАЛЬД

Комнатный парнишка

Мордобойщик
Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Аннотация
Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Мордобойщик

Аннотация

«...Чарльз Дэвид Стюарт, на вид такой безобидный и неловкий, предстал перед судом по обвинению в оскорблении действием и нанесении побоев.

Показания очевидцев, к немалому удивлению судьи, свидетельствовали, что дама, которой обвиняемый со всего размаха заехал по лицу, вовсе не была его женой.

Мало того: пострадавшая вообще не была с ним знакома – и арестованный никогда не видел ее прежде, ни разу в жизни. Причин для совершения оскорбления действием было две: во-первых, дама разговаривала во время театрального представления, и, во-вторых, она без конца тыкала в спинку его сиденья коленками. В конце концов он не вытерпел: вскочил, повернулся к ней и, безо всякого предупреждения, нанес сильный удар...»

Фрэнсис Скотт Фицджеральд
Мордобойщик

Последним в череде подсудимых в этот день был некий мужчина — хотя, признаться, его мужественность была весьма относительной; пожалуй, гораздо больше ему подходило слово «субъект», но все же числился он как представитель гордой мужской породы и в судебном протоколе фигурировал в качестве мужчины. Это был плюгавый, скукоженный, несколько пожухлый американец, который прожил на белом свете лет тридцать пять.

Похоже, тело его по чьему-то недосмотру забыли изъять из костюма, когда портной проглаживал брюки и пиджак тяжелым раскаленным утюгом, и поэтому плоская его фигура выглядела угловатой. Лицо было самое обыкновенное: лицо как лицо. Такие в основном и попадаются в уличной толпе: кожа землисто-серая, уши плотно прижаты к голове, словно он постоянно боится городского гомона и гула, а глаза усталые-усталые — глаза человека, чьи предки последние пять тысяч лет были полными неудачниками. Ну а на скамье подсудимых он, зажатый меж двух здоровенных кельтов в синих мундирах, очень походил на представителя давно вымершего племени, а еще на изможденного морщинистого эльфа, арестованного за браконьерство в Цен-

тральном парке, когда он вздумал расположиться на одном из лютиков.

— Фамилия?

— Стюарт.

— Полное имя?

— Чарльз Дэвид Стюарт.

Секретарь суда безмолвно занес эти сведения в книгу регистрации мелких преступлений и крупных проступков.

— Возраст?

— Тридцать.

— Кем работаете?

— Ночным кассиром.

Секретарь помедлил и взглянул на судью. Тот зевнул и спросил:

— В чем обвиняется?

— Обвиняется в... — секретарь заглянул в свои листочки, — ...в том, что нанес удар даме — в область лица.

— Вину признает?

— Признает.

На этом предварительные процедуры были завершены. Итак, Чарльз Дэвид Стюарт, на вид такой безобидный и неловкий, предстал перед судом по обвинению в оскорблении действием и нанесении побоев.

Показания очевидцев, к немалому удивлению судьи, свидетельствовали, что дама, которой обвиняемый со всего размаха заехал по лицу, вовсе не была его женой.

Мало того: пострадавшая вообще не была с ним знакома — и арестованный никогда не видел ее прежде, ни разу в жизни. Причин для совершения оскорбления действием было две: во-первых, дама разговаривала во время театрального представления, и, во-вторых, она без конца тыкала в спинку его сиденья коленками. В конце концов он не вытерпел: вскочил, повернулся к ней и, безо всякого предупреждения, нанес сильный удар.

— Вызовите истицу, — потребовал судья, несколько приосанившись. — Послушаем, что скажет она.

Собравшиеся в зале суда — их было совсем немного в этот чудовищно жаркий день — вдруг оживились. Несколько мужчин с задних рядов пересели вперед, поближе к судье, а молодой репортер заглянул секретарю суда через плечо, чтобы поточнее записать имя подсудимого на обороте какого-то конверта.

Истица поднялась с места. У этой женщины, которая почти добралась до полувекового рубежа, было решительное, чересчур, пожалуй, властное

лицо, обрамленное золотистыми, с проседью, волосами. Платье — благородного черного цвета, и всем почему-то показалось, что она в очках; начинающий судебный репортер, кичившийся своей наблюдательностью, мысленно описал ее именно так, но вскоре спохватился — очков на ее носу, тонком и крючковатом, точно не было.

Звали ее, как выяснилось, миссис Джордж Д. Робинсон, а жила она по адресу: Риверсайд-драйв, дом 1219. Еще она сообщила, что она страстная театралка и потому иногда ходит на дневные спектакли. Вчера с нею были еще две дамы: ее кузина, они вместе живут, и некая мисс Инглс; обе присутствовали в зале суда.

Случилось же вот что.

Едва поднялся занавес, женщина, сидевшая сзади, потребовала, чтобы она сняла шляпу. Миссис Робинсон и сама собиралась это сделать, а посему столь неуместная просьба слегка ее раздосадовала — о чем она незамедлительно сообщила своим спутницам, мисс Инглс и кузине, с весьма пространными комментариями. Тогда она и обратила внимание на обвиняемого, который сидел прямо перед нею, потому что он вдруг обернулся и смерил ее непозволительно дерзким взглядом. Она тут же про него забыла, но когда

— уже под самый конец первого действия — она что-то сказала мисс Инглс, этот наглец вскочил с места, развернулся — да как стукнет ее по лицу...

— И сильно стукнул? — спросил судья.

— Что значит «сильно»? — возмутилась миссис Робинсон. — Еще как! Мне потом горячие и холодные компрессы ставили на нос, всю ночь.

— ...всю ночь... на нос... — эхом прозвучало со скамьи, где сидели свидетельницы: эти две поблекшие дамы резко подались вперед и дружно закивали, подтверждая сказанное.

— А свет в зале в тот момент уже включили? — спросил судья.

— Нет еще, однако зрители, сидевшие рядом, все видели, и нашлись благородные люди — тут же схватили обидчика.

На этом выступление пострадавшей завершилось. Обе ее спутницы дали аналогичные показания, и присутствующие четко представили картину произошедшего: это было действительно насилие над личностью, причем совершили его без всякого повода, — классический пример ничем не оправданной жестокости.

Правда, единственное, что всех смущало, так это облик арестованного. Для мелкого мошенника вид у него был самый подходящий; всем

отлично известно, что карманные воры обычно на рожон не лезут, такие тихони. Но этот-то напал на потерпевшую в переполненном театре, а для роли бузотера и забияки обвиняемый совершенно не годился. У него и голос был не тот, и одет он был не так, и усы были совсем не такие, какие бывают у тех, кто способен на подобные выходки.

— Чарльз Дэвид Стюарт, — обратился к нему судья, — вы слышали свидетельские показания против вас?

— Да, ваша честь.

— И вы признаете себя виновным?

— Да, сэр.

— Можете ли вы что-то сказать в свое оправдание, прежде чем я вынесу вам приговор?

— Нет.

Обвиняемый с обреченным видом покачал головой. Его маленькие руки слегка дрожали.

— Неужели вам совсем нечего сказать? Почему вы совершили это противоправное действие?

Подсудимый, похоже, призадумался.

— Ну, — подбодрил его судья. — Скажите хоть что-нибудь в свое оправдание. Больше такой возможности не будет.

— Ну... это... — начал Стюарт, с трудом подбирая слова, — она как понесла про водопроводчика,

что там у него из желудка...

В зале вдруг начали перешептываться. Судья чуть наклонился вперед.

— То есть? Что вы имеете в виду?

— Ну, поначалу она вон тем... да, вон тем дамам, — и он показал на кузину и на мисс Инглс, — рассказывала про свой желудок, что он у нее как переваривает, это-то еще куда ни шло. А как пошла чесать про желудок водопроводчика, тут уж я совсем того.

— Как это понимать? Что значит «того»?

Чарльз Стюарт беспомощно оглянулся.

— Не знаю, как и объяснить, — сказал он, и его усики дрогнули, — только когда она начала рассказывать, как у ее водопроводчика варит желудок, не... не слушать этого не было никакой возможности...

В зале захихикали. Миссис Робинсон и сопровождавшие ее дамы были явно шокированы. Один из стражей даже сделал шаг в сторону подсудимого, словно ожидая сигнала судьи, чтобы незамедлительно упрятать этого преступника в самую жуткую темницу Манхэттена.

Однако судья лишь поуютнее устроился в кресле. Страж был обескуражен.

— А расскажите-ка вы нам, как все было, Стю-

арт, — сказал он почти по-дружески. — Всю историю, с самого начала.

Эта просьба совершенно ошеломила подсудимого, и в первый момент он явно готов был предпочесть наручники всем этим объяснениям... Растерянно осмотрев зал, он оперся руками о край стола и стал похож на фокстерьера, которого только что научили «служить». Чуть помешкав, он заговорил своим дрожащим, срывающимся тенорком.

— Ну, я, в общем, работаю ночным кассиром, ваша честь, в ресторане у Кушмиля, на Третьей авеню. Человек я холостой, — тут он слегка улыбнулся, будто понимал, что об этом все и так догадались, — и по средам и субботам обычно хожу в театр, на дневные спектакли. Самое милое дело, чтобы скоротать время до ужина. Есть у нас там, знаете, одна лавка, в ней чем только не торгуют, так на некоторые представления можно поймать билеты всего за один доллар и шестьдесят пять центов, и я, когда туда захожу, всегда покупаю билетик. В самом театре цены — ой-ой-ой какие жуткие!..

Он даже слегка присвистнул и красноречиво посмотрел на судью.

— Четыре, а то и все пять долларов за билет... —

уточнил он, и судья сочувственно кивнул.

— Ну вот, — продолжал Чарльз Стюарт, — хотя мне билет обходится всего в доллар шестьдесят пять, но это тоже деньги, и я желаю увидеть что-то стоящее. Недели две назад я ходил на одну из этих мист... — мистерий, да? — там, значит, кто-то совершил преступление, а кто именно, неизвестно. Ясное дело: тут самый интерес, чтоб догадаться, кто убийца. А прямо за мной сидела какая-то дама, которая пьесу уже видела, и она весь секрет выдала тому парню, с которым пришла. Это же надо?! — Он снова расстроился и покачал головой. — Я чуть не умер от злости. Потом как пришел к себе домой, все не мог успокоиться, даже снизу пришли: хватит, говорят, по комнате метаться, больно громко ты топаешь... Это ж надо: полтора доллара коту под хвост!..

— Ну ладно, — снова заговорил он, — стал ждать среду, а в театре в тот день шла пьеса, которую я давно хотел посмотреть. Уж несколько месяцев собирался. Все спрашивал в лавке, нет ли на нее билетов. Но у них не было.

Он помолчал.

— Ну, во вторник дай, думаю, рискну. Пошел уже прямо в кассу и взял билет. Стоило мне это удовольствие два семьдесят пять!

Он кивнул и опять помолчал.

— Да-а, два семьдесят пять... Вот, своими руками пустил денежки-то на ветер... Но уж очень хотелось посмотреть эту пьесу.

Миссис Робинсон, сидевшая в первом ряду, вдруг поднялась со своего места:

— А какое, собственно, отношение все это имеет к тому, что произошло?! — заверещала она. — Какое мне дело, что он куда пустил...

Но судья тут же стукнул по столу своим молотком.

— Попрошу сесть, — сказал он. — У нас тут судебное заседание, а не спектакль какой-то...

Миссис Робинсон, стушевавшись, села, при этом обиженно сопела, словно давала понять кое-кому, что *так* она этого не оставит... Судья вынул часы из нагрудного кармана.

— Продолжайте, — сказал он Стюарту. — И говорите, сколько пожелаете.

— В театр я самый первый пришел, — взволнованно произнес Стюарт. — Еще никого не было, только я да этот парень, ну, он там у них прибирается. Ну а потом собрались все зрители, свет выключили, и спектакль начался. И только я сел в кресле поудобнее, только настроился, слышу, за моей спиной — жуткая свара. Кто-то

сказал этой даме, — он ткнул пальцем в сторону миссис Робинсон, — чтоб сняла шляпу, так, мол, полагается, а она почему-то раскипятилась. Все говорила своим спутницам, я, мол, не первый раз в театре и уж как-нибудь в курсе, что шляпу надо снимать... Она минут пять не унималась, а после еще про что-нибудь вспомнит и снова чуть ли не в полный голос — про свое. Ну, я в конце концов обернулся, хотелось посмотреть, что это за птица, которой на всех наплевать. Я уже давно отвернулся, сижу, на сцену смотрю, а она теперь взялась за меня! Что я, мол, нахал каких поискать, а потом еще стала языком цокать, дамы, которые с нею, тоже зацокали, тут я вообще перестал понимать, что там на сцене происходит, и не слышал, что говорят действующие лица. И мне казалось, что я сделал что-то неприличное. Ну, потом они все же успокоились, и я постепенно разобрался что к чему, да вдруг слышу: мое кресло — скрип! И спинка то вперед, потом опять — скрип! — то назад... И я понял, в чем дело: эта дама уперлась в мое кресло коленками и теперь меня, ясное дело, совсем укачает. Ох, господи!

Он утер свой бледный узкий лоб, на котором уже выступил пот.

— Прямо-таки напасть! Я уже и не рад был, что

пошел в театр. Ей-богу, я ведь тоже однажды так засмотрелся на сцену, что не заметил, как кресло чужое, впереди которое, стал раскачивать, так тот человек меня, слава богу, по-хорошему предупредил, чтоб я прекратил... Ну, а эта дама, которая сзади, она, понятное дело, только еще больше бы вредничала, если б я попросил ее не качать. Эта бы еще сильнее раскачивала мое кресло.

Уже давно все сидящие в зале украдкой поглядывали на почтенную даму с золотистыми, тронутыми сединой волосами. Она вся пылала от гнева и была уже красная как рак.

— Дело шло к концу первого действия, — продолжал этот тусклый человечек, — я уж приладился к ее коленкам, то есть к тому, что она пихается так, что кресло мое ходуном ходит, во все глаза на сцену смотрю... И вот тут ее снова прорвало. Ей, мол, операцию делали, точно помню, как она ругала своего врача: она-де так ему и заявила, что знает собственный желудок уж как-нибудь получше его... А в пьесе как раз самое интересное началось, мои соседи уже вытащили носовые платки и плакали за милую душу, и сам я чуть не расплакался. И вдруг эта неугомонная дама стала рассказывать подругам про водопроводчика, у которого несварение желудка, про то,

что она ему советовала делать... Это же надо?

И он опять покачал головой, а тусклые глаза невольно остановились на миссис Робинсон, но подсудимый тут же их отвел.

— А мне все слышно, что она говорит, зато артистов — ни черта! То одно не разберу, то другое. Потом все в зале рассмеялись, а я в толк не возьму, что там на сцене такого смешного сказали... Ну, все отсмеялись, а она за спиной моей опять за свое. Потом зал просто взорвался от хохота, все за животы хватаются... никак не могут успокоиться, хохочут и хохочут, а я снова ни черта не услыхал. И тут уже дали занавес... и на меня что-то нашло, сам не знаю, как это приключилось. Видать, я перепсиховал, потому что тут я вскочил, откинул сиденье, потом перегнулся назад и вот ей, даме этой, ка-ак вмазал по лицу...

Он умолк, а зал дружно вздохнул, как будто все затаили дыхание, ожидая, чем же дело кончится. Даже судья, и тот судорожно вздохнул, ну а все три дамы на свидетельских местах сразу затараторили, и голоса их становились все пронзительней, все визгливей и все громче... Судья еще раз со всей силы грохнул молотком по столу.

— Чарльз Стюарт, — чуть повышая голос, спросил судья, — это все, что вы хотели сказать в свое

оправдание? Вы ведь подняли руку на женщину, и столь почтенного возраста!

Чарльз Стюарт сильно втянул голову в плечи, будто хотел спрятать ее в своем тщедушном теле.

— Да, сэр, я все сказал, — еле слышно пробормотал он.

Миссис Робинсон вскочила с места.

— Вы слышите, ваша честь! — взвизгнула она. — Он не только поднял на меня руку! Он еще и лжец, жалкий грязный врунишка. Он только что сам заявил при всех, этот грязный, жалкий...

— Тише! — вскричал судья громовым голосом. — Я веду это разбирательство, и я сам в состоянии сделать соответствующий вывод!

Последовала пауза.

— Оглашается решение суда в отношении Чарльза Стюарта... э-э, — он помешкал, заглянув в протокол, — Чарльза Дэвида Стюарта, проживающего на Западной Двадцать второй улице, дом двести двенадцать.

Зал притих. Начинающий репортер подался вперед в надежде, что приговор будет не слишком суровый — скажем, несколько дней тюрьмы на острове посреди Гудзона, — чтобы избавить парня от денежного штрафа.

Судья откинулся назад в своем кресле и сунул большие пальцы под складки черной мантии.

— Обвиняемый оправдан, — сказал он. — В иске отказано.

Выходя из здания суда, тихий невзрачный Чарльз Стюарт зажмурился от солнечного света и на секунду задержался на пороге, воровато оглядываясь назад, словно боялся, что произошло какое-то недоразумение, судья просто ошибся. Посопев немного — нет, не из-за насморка, а по неким не очень понятным причинам, заставляющим нас хлюпать или шмыгать носом, он медленно двинулся прочь, ища глазами ближайшую станцию подземки.

Остановился у газетного киоска, купил утреннюю газету; затем поезд подземки повез его к югу, на Восемнадцатую улицу, там он вышел и, прошагав некоторое время, теперь уже на восток, добрался, наконец, до Третьей авеню. Тут он и работал — в ресторане, открытом и днем и ночью, построенном из стекла и отделанном декоративной белой плиткой. Тут он просиживал за конторкой всю ночь до рассвета, принимая деньги и подсчитывая суточную прибыль владельца этого заведения, мистера Кушмиля. Именно здесь, в нескончаемые ночные часы, его взгляд

— достаточно было слегка повернуть голову — всегда находил накрахмаленный полотняный фартучек мисс Эдны Шеффер.

Ей было двадцать три года, у нее было милое, нежное личико, но волосы являли яркий пример того, как не стоит пользоваться хной. Ей это было невдомек, потому что все ее знакомые только так хной и пользовались, видимо, поэтому ее не смущало, что ее волосы были почти красными.

Чарльз Стюарт давно уже привык к этому цвету — и, возможно, вообще никогда не замечал, что они какие-то не такие. Его куда больше притягивали ее глаза, а еще белые руки, проворно разбиравшие груды тарелок и чашек, на самом деле просто созданные для игры на рояле. Однажды он чуть не пригласил ее в театр — на дневное представление, однако когда она подошла к нему с усталой, но задорной улыбкой на чуть приоткрытых губах, то показалась ему такой прекрасной, что он сразу оробел и промямлил какую-то чушь.

Сегодня он явился на работу непривычно рано вовсе не ради Эдны. Он хотел встретиться с мистером Т. Кушмилем, узнать, не выставил ли тот его вон, поскольку прошлой ночью на работу он не явился, он сидел в тюрьме. Мистер Т. Кушмиль

стоял у прозрачной стены и с мрачным видом глядел наружу через толстое листовое стекло, и Чарльз Стюарт приблизился к нему с самыми дурными предчувствиями.

— Где был? — поинтересовался Т. Кушмиль.

— Кое-где, — уклончиво ответил ему Чарльз Стюарт.

— Значит так: уволен!

Стюарт вздрогнул и поморщился:

— Прямо сейчас?

Кушмиль вяло выкинул обе руки.

— Если хочешь, поработай два-три дня, пока я найду кого-то. А после, — он сделал жест, будто что-то выкидывал, — чтоб духу твоего тут не было...

Чарльз Стюарт устало кивнул. Он был на все согласен. И в девять вечера, после нескольких часов, заполненных воспоминаниями о предыдущей ночи, которую Чарльз провел в обществе полицейских, он вышел на работу.

— Здравствуйте, мистер Стюарт, — сказала Эдна Шеффер, медленно приблизившись к его конторке, явно заинтригованная. — Что у вас стряслось прошлой ночью? Может, в участок забрали?

И она засмеялась собственной шутке, весело, с хрипотцой, само очарование, по его мнению.

— Вот-вот, — неожиданно для самого себя признался он. — Увезли в тюрьму на Тридцать пятой улице.

— Ну, надо же! — с ехидцей воскликнула она.

— Но это правда. Меня вчера арестовали.

Ее лицо тут же стало серьезным.

— Да будет вам. За что ж арестовали-то?

Он помедлил.

— Я врезал кое-кому по физиономии.

Она начала вдруг хохотать, сначала тихо, потом все громче, чуть ли не до слез.

— Честное слово, — промямлил Стюарт. — Меня даже чуть в тюрьму не упрятали.

Эдна, зажав рот ладонью, отошла и вскоре исчезла за дверью кухни. Чуть позже, притворившись, будто занят подсчетами, он услышал, как она пересказывает эту историю двум другим официанткам.

Обычно ночь тянулась невероятно медленно. Посетители ресторана почти не замечали человечка в сероватом костюме и с сероватым лицом, — не больше, чем жужжавший над их головами вентилятор. Они вручали человечку деньги, а он, точнее, его рука, аккуратно выкладывала сдачу в небольшое углубление на мраморном прилавке.

Но самому Чарльзу Стюарту сегодняшняя ночь, последняя его ночь в этих стенах, стала казаться необыкновенно романтичной. И сотни проведенных тут, за кассой, ночей снова проплыли у него перед глазами, волшебно преобразившись. Он вспомнил, что полночь обычно была некой незримой чертой — позже обстановка в ресторане становилась более интимной. Посетителей намного меньше, те, что появлялись, выглядели уставшими и подавленными: то случайно забредший оборванец попросит кофе; то зайдет нищий, который обычно торчит на углу их улицы, закажет гору пирожков и бифштекс; или появится стайка уличных женщин, которые потом разбредутся по ночному городу; и еще к ним заглядывал краснолицый ночной сторож, который обязательно перебросится с ним несколькими фразами, призывая как следует беречь здоровье...

А сегодня полночь, казалось, настала раньше, чем всегда, хотя публика валом валила к ним до часу ночи. Когда Эдна уселась за столик возле кассы и начала складывать салфетки, его так и подмывало спросить: «А правда время сегодня просто летит?» А он так мечтал произвести на нее впечатление, сказать ей что-нибудь особенное или еще как-нибудь выразить свое чувство,

неважно как, лишь бы она навсегда его запомнила.

Она сложила наконец целую гору салфеток, водрузила ее на поднос и унесла прочь, что-то вполголоса напевая. Через несколько минут входная дверь распахнулась и вошли двое мужчин Он тут же узнал их и весь запылал от ревности. Тот, что помоложе, был в отлично сшитом коричневом костюме, по последней моде — полы расходятся прямо от пупа. Этот щеголь в последние десять дней часто тут появлялся. Всякий раз примерно в это время всегда усаживался за столик, который обслуживала Эдна, и неспешно, с вальяжной небрежностью выпивал две чашки кофе. Сегодня он уже третий раз пришел не один, с ним был грек, очень смуглый, с угрюмым взглядом, который нарочито громко диктовал заказ, а если что-то было не по нему, начинал скандалить, отпуская ехидные шуточки.

Однако Чарльза Стюарта куда больше раздражал щеголь, не спускавший глаз с Эдны. А в последние два вечера совсем обнаглел: подзывал ее к столику надо не надо, лишь бы она подольше с ним побыла.

— Добрый вечер, крошка, — донеслось сегодня до Стюарта от их столика. — Как тут у вас

делишки?

— Спасибо, хорошо, — вежливо, как полагается, ответила Эдна. — Что желаете?

— А что у вас есть? — заулыбался молодой человек. — Все, что хотите, да? А что вы сами порекомендуете?

Эдна не отвечала, глядя куда-то вдаль, поверх головы парня.

Он наконец сделал заказ, вняв нетерпеливым требованиям своего спутника. Эдна отошла от столика, и Стюарт увидел, как молодой человек что-то прошептал греку, кивая в ее сторону.

Стюарт тревожно заерзал на стуле. Он терпеть не мог этого хлыща и страстно мечтал об одном: чтобы тот поскорее убрался прочь. Ведь, скорее всего, он работает здесь последнюю ночь, это его последняя возможность полюбоваться ею, может быть, даже удалось бы пару минуток поболтать, а этот тип лишил его этих чистых радостей, само его присутствие было невыносимо.

В ресторан забрели еще с полдюжины посетителей: трое рабочих, продавец газет из киоска напротив — и Эдна теперь была слишком занята, и щеголь некоторое время не мог докучать ей своими приставаниями. Тут Чарльз Стюарт почувствовал, что грек смотрит на него своими

угрюмыми глазами, и не просто смотрит, а машет рукой, подзывая.

Несколько опешив, он вышел из-за конторки и направился к их с щеголем столику.

— Слышишь, парень, — сказал грек, — а когда у вас хозяин появляется?

— Ну... в два. Уже через несколько минут.

— А-а, понятно. Я с ним просто хотел кой о чем поговорить.

Стюарт догадался, что Эдна тоже подошла к столику, — по тому, как оба дружно к ней повернулись.

— Слышь, крошка, — сказал молодой. — А я хочу поговорить с тобой. Присядь-ка.

— Нам не полагается.

— Как это не полагается? Ерунда! Начальник тебе разрешает, — и он угрожающе посмотрел на Стюарта: — Ей ведь можно с нами посидеть, а?

Стюарт молчал.

— Слышь, говорю, можно ей с нами посидеть, а? — повторил молодой человек уже более напористо и добавил: — Что молчишь, дурень?

Стюарт продолжал отмалчиваться. Кровь в его жилах вдруг побежала быстрее. От страха. Уверенный тон всегда немного пугал его. Тем не менее он так и стоял, как пень, не в силах сдви-

нуться с места.

— Тише ты! — сказал грек.

Но щеголь уже здорово разозлился.

— Слышь, ты, — процедил он сквозь зубы, — отвечай, когда с тобой разговаривают, а то дождешься у меня по роже... А ну топай отсюда в свою конуру!

Стюарт по-прежнему стоял как вкопанный.

— Я кому сказал: топай отсюда! — угрожающе повторил парень. — А ну, живо катись!

И Стюарт «покатился». Живо, как только мог. Но не в конуру с конторкой, а вперед... Выставив руки перед собой, он ринулся на обидчика, и через секунду его ладони врезались в ненавистную физиономию со всей силой неполных шестидесяти килограммов — именно столько весил Чарльз Стюарт. Со столика полетела посуда, а противник опрокинулся вместе со своим стулом. Падая, он ударился головой о край соседнего столика и замертво свалился на пол...

Раздалось многоголосое «ах!». Эдна завизжала от ужаса, грек негодующе зарычал, посетители с криками выскочили из-за столиков. Тут распахнулась дверь, и в ресторан вошел мистер Кушмиль.

— Ах, дурачок! — возмущенно крикнула Эд-

на. — Хочешь, чтоб я из-за тебя без работы осталась?!

— В чем дело? — вопросил мистер Кушмиль, подбегая к ним. — Что все это значит?

— Мистер Стюарт ударил клиента по лицу! — воскликнула одна из официанток, сразу сообразив, что нужно спасать Эдну. — Ни с того ни с сего!

Все, кто был в ресторане, хлопотали вокруг лежащего на полу. Его как следует опрыскали водой, под голову положили сложенную скатерть.

— Ударил нашего клиента?! — страшным голосом вскричал мистер Кушмиль, хватая Стюарта за лацканы пиджака.

— Вот, буянит тут, совсем сошел с ума, — рыдала Эдна. — Вчера ночью его в тюрьму забрали за то, что ударил женщину по лицу. Он сам мне про это рассказал!

Здоровенный рабочий подскочил к Стюарту и схватил его за дрожащую ручонку. Стюарт лишь безмолвно озирался, губы его дрожали.

— Смотри, что ты натворил! — крикнул мистер Кушмиль. — Убить его решил?

Стюарт содрогнулся от ужаса. И стал ловить ртом воздух. Потом с трудом выдавил из себя:

— Просто хотел двинуть ему в морду...

— В морду?! — воскликнул мистер Кушмиль вконец взбешенный. — Ты... ты... мордобойщик, вот ты кто!.. Погоди, мы тебе так двинем, что ты со своей мордой живо в тюрьме окажешься!

— Я... я не мог удержаться, — выдохнул Стюарт. — На меня иногда накатывает...

Он заговорил громче, голос его срывался.

— Я опасный человек, вяжите меня, а еще лучше заприте!

Он резко повернулся к Кушмилю.

— Я б и вам дал в морду, если б только вот этот руку отпустил! Точно! Ох, как бы я тебе... прямо по физиономии!..

На миг все затихли от изумления, но вскоре раздался голос официантки, которая пыталась что-то достать из-под стола:

— Ой, у этого парня чего-то из кармана из заднего выпало, когда он опрокинулся, — объяснила она, поднимаясь. — Да это... ух ты, это же револьвер, и еще...

Она хотела сказать «носовой платок», но разглядев, *что* у нее в руке, ошеломленно раскрыла рот и уронила этот предмет на столик. Небольшую черную маску размером с ладонь.

Грек наблюдал за происходящим с тревогой и нервно переминался с ноги на ногу, но, увидев

пистолет и маску, вспомнил про одно ужасно важное дело, он совсем о нем забыл... Обогнув столик, он ринулся к выходу, но тут дверь распахнулась, и в ресторан вошли несколько человек. Услышав крики «держи! держи его!», они услужливо растопырили руки. Поняв, что тут ему не прорваться, грек перемахнул через валявшийся на полу стул, потом через стойку с холодными закусками и влетел было на кухню — но прямо в дверях оказался в крепких объятьях шеф-повара.

— Держи-и! Держи его! — кричал мистер Кушмиль, сразу сообразивший, в чем, собственно, дело. — Грабят, кассу хотели обчистить...

Усердные руки помогли греку перебраться обратно через стойку, и теперь он стоял посреди ресторана, пыхтя и отдуваясь, и на него были устремлены две дюжины горящих от волнения глаз.

— Денег моих захотел, а?! — кричал хозяин ресторана, тряся кулаком перед носом пленника.

Мощный увесистый грек кивнул, переводя дух.

— Мы бы все забрали, — выдохнул он, — кабы не сморчок этот, мордобойщик ваш...

Две дюжины глаз тут же принялись искать сморчка. Но сморчок-мордобойщик просто-напросто исчез.

Нищий на углу как раз только что решил, что пора уже подмаслить полицейского и покинуть свое рабочее место, как вдруг почувствовал на плече чью-то маленькую дрожащую руку.

— Помогите страждущему на место в ночлежке, — автоматически заныл он, но тут признал в прохожем тщедушного кассира из ближайшего ресторана. — Здорово, брат, — сказал он, сразу переменив тон и довольно злобно на него посмотрев.

— А знаешь что?! — страшным голосом завопил тщедушный кассир. — Я сейчас дам тебе по морде!..

— Только попробуй! — огрызнулся нищий. — Совсем, что ли, с ума...

Дальше он так ничего и не успел сказать. Этот тщедушный псих вдруг бросился на него, выставив вперед кулаки, раздался резкий удар и — шлеп! — нищий распластался на тротуаре.

— Жулик поганый! — орал Чарльз Стюарт. — Я тебе тогда целый доллар подал, когда только устроился на работу! Это потом я узнал, что у тебя... да, у тебя денег раз в десять больше, чем у меня. И сам ты ни цента никому не дашь, никогда!

Какой-то тучный чуть подвыпивший господин,

чинно шагавший по другой стороне улицы, увидев эту расправу, тут же пересек улицу, чтобы заступиться за страждущего.

— Вы что себе позволяете?! — Он был потрясен. — Подумать только, этого несчастного, за что?..

Посмотрев на Чарльза Стюарта испепеляющим взглядом, он, опустившись на колено, стал поднимать нищего.

Тот перестал сыпать проклятиями и жалобно захныкал:

— Я бедный человек, капитан...

— Да это же... это... *ужасно*! — вскричал добрый самаритянин, и слезы выступили у него на глазах. — Позор! Полиция!! По...

Договорить он не успел. Так же как и донести до лица сложенные рупором руки, — совсем другие руки и с другой целью ткнулись в его щеки. Это были руки обладателя тщедушного шестидесятикилограммового тела! И доброхот тут же обмяк, рухнув прямо на живот нищему с громкими проклятьями, которые тут же сменились стонами.

— Это он несчастный?! Да этот попрошайка отвезет тебя домой на собственной машине! — крикнул маленький кассир, глядя на лежащих. — Вон она, за углом.

И, задрав голову к небу, нависшему над городом узкой жаркой полосой, он засмеялся — поначалу довольно робко, потом громко и торжествующе, и в какой-то момент в этом заливистом смехе появились зловещие нотки, будто на тихой ночной улице очутился хохочущий эльф. Гулкое эхо этого хохота отражалось от стен высоченных домов, хохот становился все визгливее, даже в нескольких кварталах от этого перекрестка были слышны эти жуткие переливы, и редкие прохожие замирали на месте, прислушиваясь.

Не переставая смеяться, тщедушный человечек скинул пиджак, жилетку, потом торопливо сорвал с шеи галстук и накладной воротничок. Потом поплевал на ладони и с диким ликующим воплем помчался по темной улице.

Он был намерен очистить Нью-Йорк от всякой нечисти и начать решил с полицейского на углу, который всех донимал своими придирками и вообще был дрянным человеком.

Поймали его только под утро. Все, кто участвовал в погоне, были поражены, — хулиган и дебошир оказался тщедушным человечком в конторских нарукавниках, который готов был расплакаться. В полицейском участке, слава богу, нашелся умный человек, велел дать ему лошади-

ную дозу успокоительного и не стал отправлять в камеру для буйных, обитую войлоком. Наутро дебошир почувствовал себя куда лучше.

Незадолго до полудня в участок явился сам мистер Кушмиль в сопровождении перепуганной молодой дамы с огненно-рыжими волосами.

— Я тебя отсюда вытащу! — кричал мистер Кушмиль, с чувством тряся его руку, протянутую сквозь тюремную решетку. — Я поговорил с одним полицейским, он все остальным своим растолкует.

— Мистер Кушмиль решил сделать тебе сюрприз, — нежно сказала Эдна, пожимая его левую руку. — У него золотое сердце... Он хочет перевести тебя в дневную смену.

— Отлично, — важно кивнул Чарльз Стюарт. — Но я только завтра смогу выйти.

— Почему только завтра?

— Потому что сегодня днем я иду в театр... с одной моей знакомой.

Он отпустил руку работодателя, а белые пальчики Эдны еще крепче сжали его пальцы.

— И еще, — продолжал он сильным, уверенным голосом, который ему самому был вновь. — Если вы в самом деле хотите меня отсюда вытащить, сделайте так, чтобы дело не попало в суд на Трид-

цать пятой улице.

— Но почему?

— А потому, — отвечал он не без самодовольства, — что к тамошнему судье я попал, когда меня арестовали в прошлый раз.

— Чарльз, — вдруг прошептала Эдна, — а что бы ты сделал, если бы я вдруг не пошла с тобой сегодня в театр?

Он весь ощетинился. Щеки его порозовели, и он вскочил со скамьи.

— Ну, я... да я бы...

— Ладно, ладно, будет тебе, — прервала она его, тоже вдруг слегка зарумянившись. — Только попробуй...